

МАША ТРАУБ

Второй раз в первый класс

От автора бестселлера «Дневник мамы первоклассника»

Маша Трауб

Второй раз в первый класс

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25204671

Трауб, Маша. Второй раз в первый класс: Издательство «Э»; Москва;

2017

ISBN 978-5-699-99063-4

Аннотация

С момента выхода «Дневника мамы первоклассника» прошло девять лет. И я снова пошла в школу – теперь с дочкой-первоклассницей. Что изменилось? Все и ничего. «Ча-ща», по счастью, по-прежнему пишется с буквой «а», а «чу-щу» – через «у». Но появились родительские «Вотсапы», новые праздники, новые учебники. Да, забыла сказать самое главное – моя дочь пошла в школу не 1 сентября, а 11 января, потому что я ошиблась дверью. Мне кажется, это уже смешно.

Маша Трауб

Содержание

Экзамен на звание «Идеальная мать». Садись – два	5
Тест для родителей: готовы ли вы к школе. Где живут собаки и почему холодец находится в попе?	20
Поиски героя, или Как отбить ребенку веру в прекрасное	32
Новая мода – «Степфордская жена» и «такси-мама» в одном лице	40
Открытые уроки, или «Лучше этого не видеть»	52
Запись в первый класс, или Что случится, если мать ошибется дверью	57
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Маша Трауб

Второй раз в первый класс

© Трауб М., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Экзамен на звание «Идеальная мать». Садись – два

С Васей все было неправильно. Вася – мой старший сын. Он очень на меня похож по внутреннему устройству: мы с ним тяжело встаем по утрам, можем полдня биться об стены и валять дурака, а потом за пятнадцать минут сделать то, что нужно. Мы легкие на подъем, и нас обоих, как волной, посещают странные увлечения: одно время Вася начал запойно слушать музыку и осваивать гитару, а я занялась вязанием и хэнд-мэйдом – сделала вешалку для полотенец из скалок и покрыла лаком шкафы на кухне. Через некоторое время эти увлечения прошли, как не бывало. И тогда я начала печь тортики и безешки, а Вася пошел в секцию стрельбы. Пока я осваивала рецепты приготовления опары для хлеба, причем без использования хлебопечки, а чтобы все по-настоящему, исключительно руками, Василий уплывал на байдарках и подумывал об альпинизме. Мы с ним болтаем по вечерам, но, когда на кухне появляется отец семейства, оба замолкаем, хотя ничего предосудительного в наших разговорах нет. У сына очень много моих качеств, которые стали проявляться, когда он повзрослел. Например, от кофе его клонит в сон, как и меня, а в двенадцать часов ночи у него бывают внезапные приступы рабочей активности. И, как записано в школь-

ной характеристике, у него завышенная самооценка. Последнее свойство Васиного характера муж считает точно моим. Не уверена. То есть у сына это точно наследственное.

Я прекрасно помню, как записывала его в первый класс. В то время Вася меня совершенно извел – тогда он еще занимался теннисом и ломал ракетки в случае проигрыша. Я ездила на спортивные сборы с ним, нанимаясь то помощником повара, то вожатой. Не потому, что боялась отпустить его одного... Хотя да, боялась. Вася не ходил в детский сад, поскольку, как объяснил нам психолог, он был «не садовский» ребенок. Например, мог умирать от голода, но не есть то, что ели все. Я пыталась его «социализировать». Но в детских лагерях, когда дети дружно ели пиццу, Вася упорно сидел на гречке. Я соблазняла его сосиской в тесте, сладкой газировкой, но сын предпочитал рис, бульон и чай. Он играл в шахматы, но мог взять и перевернуть доску с фигурами, если осознавал, что проигрывает. Причем поражение чувствовал еще до того, как это начинал понимать противник. Я устала ловить за ним доски и ракетки.

Ему было шесть лет. Однажды мы шли с ним мимо школы.

– А пойдем в школу? – вдруг спросил Вася.

– Пойдем, – согласилась я, думая, что сейчас мы поднимемся по ступенькам и попросимся на экскурсию.

– Нет, не сейчас, а вообще в школу. Да, я хочу в школу, –

объявил сын.

Мы, естественно, завалили собеседование, поскольку не ходили на подготовку к школе и я сама учила его читать и считать. Мы не прошли тестирование у психолога (в те годы – обязательное условие для поступления в школу), которая увидела у Васи признаки аутизма и посоветовала мне подумать о домашнем обучении или специализированной школе. Сын не ответил ни на один вопрос. Молчал. Выйдя из кабинета, сообщил, что не отвечал, потому что вопросы были скучными. Но наша первая учительница, Светлана Александровна, его все равно взяла. Я была ей так благодарна, что даже не спросила, почему она вдруг на это решилась.

Вася учился практически в школьном коридоре, где стоял диван и лежали игрушки. Он играл, сидел, лежал, ходил, но, когда его вызывали к доске или спрашивали, давал верный ответ. Через полгода решил сесть за парту, и это стало счастьем. Светлана Александровна, которую Вася упорно называл Александрой Светлановной, радостно объявила мне на родительском собрании: «Сидит!»

Я была обычной перепуганной молодой мамой, которая забивалась под детскую парту на родительских собраниях и буквально молилась на учительницу, не понимая, как нас еще не выгнали. Я пыталась рассказывать подругам о нашей школьной жизни, но им было неинтересно. И тогда я написала книгу, неожиданно для меня ставшую бестселлером, – «Дневник мамы первоклассника». Честно говоря, я ее пи-

сала, чтобы не сойти с ума. Я ходила в школу, отводила, приводила, делала уроки, описывала почти каждый Васин школьный день, школьные проблемы, первую любовь, первые неприятности. И вспоминала свое детство. В качестве иллюстраций в первое издание «Дневника» были включены страницы из Васиных прописей. Его кривые паровозики, скособоченные вертолеты и попытки написать буквы красиво. Почерк, кстати, у него по-прежнему ужасный, и ручку он держит неправильно. И то, самое первое, издание для меня очень дорого – из-за этих самых иллюстраций.

Прошло уже девять лет после выхода книги, а меня до сих пор спрашивают, перешел ли Вася во второй класс. Я так и осталась «мамой первоклассника».

Сейчас Васе уже шестнадцать. Он учится на физико-математическом отделении школы, собирается поступать в МФ-ТИ, играет на гитаре и профессионально занимается стрельбой. Он уже взрослый красивый юноша. Но умудрился остаться ранимым и верным, смешливым и нежным. В этом нет моей заслуги. Мне кажется, я все делала неправильно, не так.

И когда у меня родилась дочь Серафима, я решила стать идеальной, образцово-показательной мамой. Сделать все правильно, как положено. Во— первых, я была уже «возрастной» мамой и считалась умной и опытной. Хотя я и не чувствовала себя ни «возрастной», ни уж тем более более ум-

ной и опытной. К тому же дочь пошла в отца, что для меня стало полной неожиданностью. Обычно Сима подскакивает рано утром, у нее все всегда аккуратно разложено по полочкам и царит образцовый порядок в шкафу. Она знает, какие именно и в какой день недели у нее кружки и секции, как ее отец знает, что у него будет в пятницу в 16:00 через три месяца. Опять же с легкостью отец и дочь могут сказать, что они делали месяц назад, например, в полдень понедельника. По ним можно сверять часы, поскольку они всегда встают в одно и то же время, в одно и то же время совершают утренние процедуры и завтракают. Допустимое отклонение – две минуты. Сима ни за что не выйдет завтракать без заплетенной косички, как ее отец никогда не выйдет к столу в пижаме. Когда я уезжаю в командировки, то прошу консьержку, чтобы она поднялась и заплела Симе, иначе дочка не выйдет из дома «неприбранной». Сима, в отличие от нас с Васей, всегда завинчивает крышечку на тюбике зубной пасты. Даже шторку в ванной мы с Васей сдвигаем вправо, а муж с дочкой – влево. Сима сама заправляет свою постель и раскладывает игрушки по раз и навсегда установленным местам. Я могу убрать постель к вечеру, к приходу мужа с работы. У Симы – жесткий режим дня. Она его сама себе установила и придерживается. Если ей положено ложиться спать в девять, то где бы мы ни находились, даже в другой стране, мы живем по московскому времени. Часовые пояса Сима игнорирует твердо и решительно. Спорить и бороться с этим бесполезно.

– Сима, иди завтракать, – зову я.

– Сейчас, я застелю постель, и ты должна меня заплести, – отвечает дочка.

– Мама, Вася не повесил полотенце! – жалуется она на старшего брата. – Мама, уже девять утра, а Вася еще спит. Можно я его разбужу?

– Пусть спит, сегодня воскресенье.

– Тогда он пропустит завтрак! Он же не может завтракать во время обеда!

Вот как мне объяснить дочери, что мы с Васей можем завтракать даже во время ужина?!

Где бы мы ни находились, в каких бы гостях ни были, мы живем по графику дочери – ровно в семь вечера она встает и собирается домой. Потому что в семь тридцать – ужин. В восемь – ванна, в восемь тридцать – чтение на ночь, а в девять – отбой.

Однажды Сима отказалась пить чай. Попросила, но пить не стала. Оказывается, я забыла положить на тарелочку под чашку салфетку, как всегда делает папа.

Муж просто счастлив. Он нашел в дочери единомышленника, которого потерял в сыне. И пока мы с Васей, укрывшись с головой одеялом, досыпаем последние минуты, Сима с папой делают утреннюю зарядку, умываются, переодеваются в домашнюю одежду и торжественно выходят к завтраку. Они пытаются нас перевоспитать. Мы пока держимся.

Дочка очень поздно начала говорить. Мне кажется, что лет в пять. Я таскала ее по врачам, подыскивала ей кружки, в которых не требуется вербальное общение. Она с четырех лет занималась балетом, рисованием, лепкой. Она терпеливая, как сто осликов, и такая же упрямая. Когда мне говорили, чтобы я развивала мелкую моторику ребенка, мне хотелось закричать. С мелкой моторикой у дочери было лучше, чем у меня. Она с детства любит лепить, клеить, красить, возиться с тестом, обсыпать все бисером и складывать мелкие игрушки в маленькую коробочку. И у нее миллион маленьких коробочек для разных мелочей, которые она укладывает в совсем маленькие коробочки, а те, в свою очередь, в еще более маленькие коробочки.

А уж сколько логопедов мы поменяли! Сима молча закрывала дверь в комнату, если ей кто-то или что-то не нравилось. Выборочное поведение – один из признаков аутизма. Счастье, что у меня был старший сын, у которого тоже фигурировал этот диагноз. Я была готова. Сима глазами, поворотом головы, жестами могла выразить все эмоции. На балете их учили не плакать, улыбаться и всегда, при любых обстоятельствах держать спину ровно. А если тяжело или обидно, то еще сильнее держать спину. Даже в магазине она делала поклон, поскольку не умела сказать «спасибо». При этом Симе достался очень твердый характер. Васю можно было уговорить, уболтать, Симу – бесполезно. Если она сказала «нет», то это означало исключительно «нет». С приклеенной

улыбкой делала свой книксен и закрывала дверь, оставляя ошарашенного педагога-логопеда, психолога и прочих врачей в недоумении. Сима не подпускала к себе докторов, и мне пришлось долго искать стоматолога, который согласился бы терпеть в кресле троих людей – я лежала в кресле, сверху на мне лежала дочь, которую я держала за руки, муж лежал на дочкиных ногах, а врач должен был справиться со всей этой конструкцией и при этом не лишиться пальца, который норовила откусить пациентка.

– Как же она в обычную школу пойдет? – воскликнула врач-психолог, которой отказали от дома. – Подумайте о домашнем обучении.

Вы думаете, я не плакала? Я рыдала, кусала локти, спрашивала «за что?». Да, дочку хвалили на рисовании, удивлялись ее усидчивости и выбору цветовой палитры. Все вокруг умилялись – какая нежная девочка, какая трепетная. И неизменно добавляли: «Как же она жить-то будет?» Еще и не говорит. Только моя мама радовалась:

– Молчит? Это же хорошо! Быстрее замуж выйдет!

Я с маниакальным упорством делала «все правильно», «как положено». Нашла самую лучшую в районе подготовку к школе. Клуб, в котором были полноценные уроки, три раза в неделю. Русский, математика, музыка... Бронировать места нужно было года за два, но я добыла телефон директора, умоляла принять и записала туда Симу.

С нашей Светланой Александровной мы встречались ре-

гулярно – жили в соседних домах. Она знала и видела Симу с рождения. Учительница знала про все – про то, что Сима не говорит, что я уже сошла с ума. При очередной встрече я отчиталась:

– Пошли на подготовку к школе.

– Зачем? – удивилась она. – Потерянное время. Отдавай мне ее сейчас. Я набираю первый класс. Последний набор, потом на пенсию выйду.

– Не могу. Она занимается с логопедом. Слишком маленькая. Жизель. Чуть что – в слезы. Она такая нежная, что мне за нее страшно. Я не могу вас подвести. Она не готова. Да она даже не говорит толком!

– Ты вроде умная была, – хмыкнула Светлана Александровна, – а говоришь глупости. Я тебя знаю больше десяти лет, знаю твоего мужа, я выучила твоего сына. И ты мне будешь рассказывать про эту девочку? Я уже все про нее поняла. Детей сразу видно. А она очень на тебя похожа.

– Она на мужа похожа, – огрызнулась я.

– Что тоже неплохо, – серьезно заметила Светлана Александровна.

– Нет, она не готова. Она маленькая. Не справится.

Светлана Александровна резко развернулась и пошла в другую сторону.

И мы начали ходить на занятия для подготовишек. Я чувствовала себя «правильной», «разумной» мамой.

Да и время сейчас другое – еще несколько лет назад все

отдавали детей с шести лет, а сейчас считается, что нужно продлить детство, морально подготовить, дать ребенку время созреть и наиграться. В школу ведут с семи, а то и с семи с половиной, если речь идет о мальчиках. Шестилеток, и уж тем более тех, кому и шести с половиной нет, в первых классах мало. А родителей, которые отдают так рано, осуждают – и врачи, и общественность, и уж тем более психологи.

Ну и хорошо. Симе нравилось учиться в подготовительном классе. Мне, правда, не нравилось, как они стихи читают. Главное, прокричать на одной ноте, не делая смысловых пауз. Но громко. Это было даже смешно. Сима говорила спокойным голосом, тихим и нежным, и вдруг срывалась на истошный крик, если требовалось прочесть стихок. Как в кадре из «Ералаша», где мальчик вопит: «Папа у Васи силен в математике, учится папа за Васю весь год!» Но это был минимальный побочный эффект. На фоне остальных детей она сильно отставала.

У дочки по-прежнему было избирательное общение. Сима уволила очередного логопеда. И наконец, мы нашли Марию Васильевну. Нет, не так. Мы нашли кота Вилли и здоровенный аквариум с рыбками. Все это богатство, которым не обладала Сима, принадлежало Марии Васильевне. Коту Вилли был всего год, но он уже весил десять килограммов. Рыжий, совершенно роскошный кот, похожий на диванную подушку. Вилли терпеть не мог детей и прятался в дальней комнате, когда к Марии Васильевне приходили на занятия

дети. А они к ней приходили каждый день по очереди.

Аквариум же стоял в общем коридоре на лестничной площадке, тоже неимоверно прекрасный – огромный, в половину стены, с рыбами, водорослями, сундуком с драгоценностями и гротом. Перед каждым уроком Симе разрешалось покормить рыбок. Она подставляла табуретку, которую ей выделила Мария Васильевна, и деловито засыпала несчастных рыб кормом. После этого дочка шла мучить Вилли, который позволял это делать только ей. Кот терпел поглаживания и объятия, а потом лежал рядом на диване, пока Сима занималась. Когда Сима появлялась на пороге, Вилли выходил из дальней комнаты и тоже шел заниматься. На каждое занятие мы приходили с подарком для кота – игрушкой, мышкой, палочкой с перышками.

– У меня сегодня Вилли, – объявляла Сима. Это означало, что у нее занятие с логопедом. Я, не имея в доме ни одного домашнего животного, стала постоянной покупательницей магазина для животных. Даже скидочную карточку завела и деловито отвечала консультантам: «Такая игрушка у нас есть, и такая тоже, заводную мышку Вилли боится, покажите вон ту с запахом, пожалуйста». Мария Васильевна очень подходила Симе по темпераменту – они все делали по плану, спокойно, рассудительно. С домашними заданиями. Разбирали ошибки, считали, сколько страниц осталось до конца книжки, сколько строчек в день нужно прописать прописей. Я удивлялась, как Вилли еще не заговорил с таким подхо-

дом? После того как Сима занялась рыбками, аквариум приходилось чистить чаще. Но муж Марии Васильевны, который отвечал за чистку, обладал недюжинным терпением, как и Вилли.

Я же с ужасом понимала, что дочка – не сын. Совершенно другая. И как с ней готовиться к школе – я не знаю. Сын просто выучивал все, что требуется, а потом принимался за то, что нравится. И если задавал вопрос, то ему нужно было дать непременно смешной ответ. Или научно-фантастический. А Сима требовала четких ответов на вопросы. У сына была фотографическая память, он легко запоминал стишок и с той же легкостью его забывал. Он учил прозу кусками. Симе же запоминание давалось тяжело, мучительно. Но если она что-то выучивала, то навсегда. Сын быстро «хватал», дочери нужно было одно и то же разжевывать по несколько раз. Я уже стонала и молилась на Марию Васильевну, которая снова и снова повторяла темы – животные, профессии, времена года и все, что требовалось знать для поступления в школу.

Мне было проще с сыном. Я же прекрасно помнила, как это было. Мы садились на диван в гостиной, медленно сползая на пол, занятия мы заканчивали, лежа на животах. Попутно резались в «морской бой» или в «виселицу». Играли в «скраббл» или «крестики-нолики». Сима же занималась только за своим столом и нигде больше. Она аккуратно рас-

кладывала ручки, карандаши, у нее всегда был образцовый порядок. Специальная подставка под книги, линейки лежат «по росту». Дочь не умела отвлекаться. Я могла вырвать листочек из тетрадки, чтобы что-то быстро написать. Сима переживала из-за испорченной тетради. Могла заплакать, а я не понимала, в чем причина. Оказывалось, что у нее для таких случайных заметок есть черновик. Специально выделенная тетрадка. В другом месте писать категорически воспрещалось. Она плакала, если ломалась линейка. А если я писала на салфетке или на стикере – Сима впадала в ступор. С Васей мы могли писать хоть на потолке.

У Васи и сейчас по комнате разбросаны листы разных форматов с ценнейшими записями вкривь и вкось. Он может начать тетрадь не с начала, а с конца. У него одна тетрадь на три предмета. Он вообще может писать на бумажном полотенце. Миллион ручек, из которых пишет одна. Огрызок линейки, найденный в школе на полу. В этом смысле ему повезло с физико-математическими курсами, на которые он ходит. На первом занятии преподаватель спросил у подростков, как они «привыкли работать». Один мальчик признался, что ему проще писать на доске, и с тех пор только его вызывали к доске. Вася сказал, что проще на листе формата А4, и для него принесли пачку.

Вася с первого класса все запихивал в рюкзак ногами, притаптывал, утрамбовывал. Лакировал сверху разлитым соком или давно протухшим яблоком. Он мог положить в

портфель снежок и забыть об этом, впоследствии обнаружив, что в портфеле началось половодье. Я сушила тетради феном и писала записки учительнице: «Да, простите, я в курсе, что тетради в безобразном состоянии, он больше не будет». Раз в неделю я устраивала генеральную уборку портфеля: выгребала листы, фантики, половинки карандашей и обкусанные ручки. Здесь могли найтись один носок и чужая тетрадь. Один раз я нашла у Васи чужую кроссовку, причем розового цвета.

У Симы – отдельные папочки для всего. Для тетрадей тонких, для тетрадей толстых. Все в обложках, естественно. Миллион блокнотиков. Карандаши – идеально заточенные. Фломастеры в пенале отдельно, карандаши – отдельно. Она у нас вообще такая Милочка-копилочка. Несколько кошелечков, те самые двадцать пять шкатулочек. У Симы – страсть к упаковке. Даже подарку она не радуется так, как обертке. Она никогда ничего не выбрасывает – ленточки, шнурочки, лоскутки. Лучший подарок для нее – сумка, кошелек, косметичка. В случае чего она быстро соберет с собой весь дом, упакует и перевезет.

Сима ни за что не перепутает день недели, число месяца и уж тем более домашнее задание. Она из тех, у кого «все ходы записаны». Что задавала логопед? Пожалуйста – все отмечено галочкой. Это она, как я уже писала, в отца. Я скрежещу зубами, но ничего не могу с этим поделать. Вася мог забыть, какое упражнение нужно выполнить, и сделать пять

лишних «на всякий случай». Или по другой теме. Или вообще не сделать. Сима ведет тщательную отчетность. Что задано, то задано. Дочка – педант из педантов.

Тест для родителей: готовы ли вы к школе. Где живут собаки и почему холодец находится в попе?

В подготовительном классе нам задали выучить названия животных, их детей и места проживания. Ребенок-дошкольник должен составить цепочку. Например, «курица – цыпленок – курятник». Одна из мам рассказывала, что ее сын считал, что курятник – это место для курения. Мы же с Симой споткнулись на овцах. Овца – ягненок – ... Я ответила быстро только потому, что росла в селе. Правильно, овчарня.

– Мама, в овчарне живут овчарки, – объявила дочь.

Это ладно, но как объяснить ребенку, что корова с телятами обитают в коровнике, а их папа – бык – в загоне? Почему папу выгнали из коровника? Кто вообще посмел лишить телят отца? Я пошутила, что вообще-то для совсем маленьких телят строят специальные дома – телятники. Так что у каждой мамы-коровы, папы-быка и ребенка-теленка получается вроде бы как по отдельной комнате. Сима начала рыдать.

Только мы отрыдали по поводу несчастных телят, которые живут отдельно от папы, да еще и мамы, как нужно было ответить на вопрос «Где живут собаки?». Нет, не дома. И даже не в будке. В вольере. Ребенок должен ответить, что собаки живут в вольерах. Все Симины знакомые собаки живут до-

ма. И носят одежду. Спят на кроватях.

– Симочка, большие собаки живут в вольерах.

– Нет, – решительно объявила Сима.

Большая соседская собака Дэйв живет на шестом этаже и норовит залезть «на ручки» к хозяйке. Дэйв – лабрадор, но чувствует себя маленьким щенком. Зато тщедушный йоркширский терьер Пахом – сосед с девятого этажа – чувствует себя волкодавом как минимум. Облаивает всех, включая больших собак, которые долго удивленно озираются, не видя источник лая.

Хозяйка Пахома стала моей лучшей собеседницей. Она рассказывает мне про своего пса, а я ей – про Симу.

– Про нас такое говорят на площадке! – жалуется хозяйка Пахома.

– Ой, и про нас, – поддакиваю я.

– Пахому не нравится новый комбинезон. Даже не знаю, что делать.

– Симе тоже не нравится новая шапка.

Пахом с Симой в лифте остервенелю сдирают с себя лишнюю одежду. При этом Пахом, который облаивает всех, на Симу даже ни разу не тявкнул.

Сима боится больших собак. Хозяйка Пахома про это знает, но сам-то пес – нет! И стоит всем столкнуться на лестничной площадке, Пахом бросается на Дэйва, защищая Симу. При этом Дэйв боится собственной тени, но кого это волнует? У него уже пахомофобия развилась, но кому это инте-

ресно? Дэйв после встречи с Пахомом и Симой просится в кровать к хозяйке и вздрагивает даже во сне. Пахом же перетаскивал свой коврик поближе к двери. Сторожит жилище. Так что про вольеры дочь никогда не слышала.

Или вот задача про деревья. Не для уставших и измученных родительских мозгов. У какого дерева есть сережки? Да, у березы. А еще? Не ответил – плохо, надо знать. У ольхи.

– Почему сережки? – спрашивает Сима.

– Так называются. Похожи.

– Сережки – это украшение.

– У дерева – тоже украшение.

– Нет, сережки в ушах. На деревьях – листья, почки, плоды.

– Так называли, чтобы было красиво.

Для Симы красиво – когда все понятно и все на месте. Я пыталась развить у нее творческое мышление, безуспешно.

– У белочки хвост пушистый...

– Я видела белок, они облезлые. Еще злые – дерутся за орех. И капризные – им не все орехи нравятся. Еще они кусаются и лица у них неприятные, – отвечает дочь.

– Морды, лица – у людей, – поправляю я.

– Ну, значит, морды неприятные, как у людей.

– Сима, про снег говорят – «шапки снега». Правда, красиво?

– Нет. Если шапки грязные, их стирают, а снег постирать

нельзя.

Наткнулись на переносное значение глагола. Васе нравилось изучать русский и математику вразнобой. Не так, как положено. Сима же шла от простого к сложному, а я никак не могла к этому привыкнуть.

– Сима, «глаза сияют» – это переносное значение, – объясняла я, – а «звезда сияет» – прямое.

– Нет, наоборот, – отвечала дочь, – как сияет звезда, я не могу нарисовать, а как глаза сияют – могу. Вот смотри.

Дочка нарисовала лицо и два здоровенных глаза, в каждом из которых оставила по пустому квадратику. Глаза действительно сияли в прямом смысле.

Сима, что меня радует, умеет подстраивать жизнь под себя. Это я могу выглянуть в окно, решить, что сегодня на улицу выходить точно не буду, и залечь на диване с книжкой. Меня раздражают слякоть и грязная «по уши» машина. Сима может развести красную или синюю краску в пластиковой бутылке и пойти поливать сугроб, чтобы было красиво. Или нарисовать пальчиком на нашей машине, стоящей во дворе, полукруг и объявить, что это «грязное ухо». Сима обладает редким качеством – видеть в слякоти узоры. Но этот талант должен непременно иметь прикладное значение. Ей важно что-то исправить, дорисовать, доделать.

– Сима, смотри, чей след? – воодушевленно восклицаю я. Васю можно было уболтать на любой след в парке. Вместо

собак у нас ходили куницы, вместо дрессированных пони – олени, а вдруг это зайчик?

– Зайцы у нас в парке не живут. – Дочка смотрит на меня с жалостью. – У нас живут мыши, крысы и собаки. А это – собачья какашка. Осторожно, не наступи.

Точно так же говорит мой муж, поэтому я прекратила совместные прогулки по парку. Он все время кричит и дергает меня за руку:

– Осторожно, не наступи! Смотри под ноги!

Однажды я все-таки наступила на собачью какашку. И муж это видел. Я гадала, как он теперь пустит меня в дом – босиком?

Я зашла в траву, нашла палочку, отодрала какашку от подошвы, долго шоркала ногами. Муж смотрел на меня с нескрываемым ужасом. После того, как я очистила обувь, вернулась на дорожку.

– Теперь точно кроссовки придется выбросить, – посетовал муж.

Ну спасибо, что не потребовал сжечь...

А чем отличаются шишки сосны и ели? У ели длинная, а у сосны – круглая. И вот убедите меня, что все мамы вечером, варя кашу на утро, с легкостью могут ответить на эти вопросы. И попробуйте объяснить это дочке-прагматику.

Главное, я никак не могу понять, почему именно этими знаниями нужно обладать для поступления в первый класс.

Чтобы расширить словарный запас, нужно читать. Чтобы красиво писать буквы, нужно рисовать, лепить. Чтобы развить музыкальный слух, нужно слушать музыку, стучать в бубен в такт, петь песни, пусть даже мимо нот. Так нет же: ребенка нужно «натаскать» – найди лишнее слово, найди лишнюю картинку, продолжи цепочку, закончи цепочку, положи нужную карточку, убери нужную карточку. Составь, допиши, заполни.

Но больше всего я боялась теста по русскому языку. Есть такой миф: если родители гуманитарии, ребенок будет хорошо знать русский язык. Если технари – то математику. То есть у моей дочери по определению должно быть «все хорошо с русским». А у нее не хорошо, потому что она начала говорить поздно.

На столе разбросаны карточки-буквы, из которых нужно собрать слово. Когда Вася поступал в первый класс, ему досталось слово «ромашка». Как сейчас помню этот ужас. Василий собрал слова «ром», «мор», «мак» и даже «комар», но до ромашки так и не додумался.

– И ты знаешь, что такое «ром» и «мор»? – удивилась молоденькая учительница, проводившая собеседование.

– Да, ром пьют пираты, а мор на кораблях бывает от болезней.

– Вы разговаривали с психологом? У мальчика очень мрачный взгляд на мир, – обеспокоенно поинтересовалась учительница.

Тогда Вася, как и многие мальчики его возраста, буквально бредил пиратами. Сима в шесть лет была увлечена балетом. И у нее был еще более мрачный взгляд на мир. Помимо знания французских терминов – деми-плие, батман-тандю, которые звучат прекрасной музыкой, у нее накопилось еще много дополнительных знаний. Например, она была убеждена, что куриное крыло – это положение руки во второй позиции. А рождественский гусь – это кисть (когда пальцы некрасиво сложены). Еще дочка была уверена, что холодец – это то, что находится в попе. Я уже ей и куриные крылья жарила, и холодец варила – бесполезно. Это не блюда, а балетные термины. Еще она совершенно точно знала – и никакие силы в мире не были способны ее переубедить: у человека есть хвост, который нужно подобрать, когда садишься. Сима допускала, что не у всех людей есть хвосты, но у балерин они точно имеются. Все из-за того, что на уроке хореографии им говорили: «Как ты сидишь? Подбери хвост!» Еще Серафима с легкостью могла показать, где находится крестец и подвздошная кость.

В какой-то момент я уже пожалела, что заставила ее заниматься балетом. Но врачи советовали развивать не только мелкую, но и крупную моторику, а также координацию. Дочь плохо переносила поездки в машине, ее укачивало, так что я надеялась, что балет натренирует вестибулярный аппарат. Когда мы стали готовиться к школе, я схватилась за голову. У Симы были не две ноги, а все четыре – правая, левая, зад-

няя и передняя. Если стоишь по пятой балетной позиции, то как раз так и получается. А если поднимаешься на полупальцы, то получается «одна нога». Рукой можно «кричать», пальцами «нервничать», колени могут быть «вялыми», пятка при этом умеет «свистеть».

А еще на вступительном собеседовании есть вопросы по литературе. С ребенком обязательно надо понять, какой сказочный герой нравится, и уметь про него рассказать. Вася на собеседовании заявил, что его любимый герой – Гурвинек. О существовании такого персонажа молоденькая учительница не подозревала и поставила «минус». Мои попытки объяснить ей, что это герой «Веселых картинок», как Самоделкин и Карандаш, годов этак шестидесятых-семидесятых, только усугубили ситуацию. Она и мне минус поставила – за поведение.

Так вот, Сима не могла найти своего героя. Ей вообще сказки не нравятся. Она у нас очень семейная девочка, у нее на первом месте – семейный очаг, без всяких героев. Я не удивлюсь, если она рано выйдет замуж, будет закармливать мужа домашней выпечкой и содержать дом в образцовом порядке. У нее будет много детей, как мне кажется. И они с малолетства будут приучены складывать аккуратно вещи в шкаф и рано вставать. Кошмар!

Она и сейчас будит меня в семь утра в субботу.

– Мама, ты должна напечь папе вафли! Сегодня суббота!

Уже семь утра, а к чаю ничего нет! – возмущается дочь.

И мне приходится, не раздирая глаз, тащиться на кухню, ругаясь про себя, печь вафли. А Сима, в красивом фартучке, в это время уже раскладывает вилки на столе для утреннего завтрака.

– Почему ты раньше не готовила такие завтраки? – удивляется муж.

– Потому что раньше Сима не говорила! – рычу я.

Где-то в среду Сима подходит ко мне с блокнотом.

– Что мы будем печь на выходные?

– Ничего. Купим пирожные или булочки, – пытаюсь увильнуть я.

– Безе, печенье или торт? – дочь будто меня и не слышит.

– Безе, – я сдаюсь.

Сима пишет в блокноте «яйтца», и я точно знаю – до пятницы она будет мне напоминать про эти «яйтца», которые нужно купить.

– Зачем что-то покупать, если ты можешь сделать это сама? – удивленно восклицает дочь.

На вступительном собеседовании есть еще вопросы «под звездочкой». Они помогают оценить, так сказать, общее развитие ребенка, его эрудицию. Считается, что обычным детям на них ответить сложно, а тем, кто ходит в музыкальную школу и готовится к поступлению, – легко. Например, нужно назвать музыкальный символ России. То есть гимн. Или ав-

торов – создателей гимна, поставить крестик в нужном месте. Варианты – Чайковский, Александров, Михалков. Я поставила крестик на Михалкове, а правильный ответ – Александров.

Общее развитие предполагает знание названий колокольных звонов России. Например, звон, который призывал людей на пожар или войну. Ладно, про набат мы выучили. Но Благовест, Праздничный трезвон и Громкий ребенок не различает. Да я их сама не разберу! Еще вопрос: назовите Святых земли Русской. Варианты ответа: Александр Невский, Сергей Прокофьев, Сергей Радонежский.

У меня Серафима отчества мамы с папой никак выучить не может, хотя я Владимировна, а муж – Владимирович. А полные имена так вообще вызывают ступор.

Нет, тут я дочку понимаю. На занятия ходит мальчик. Мама называет его ласково Варюша. Я думала, что это производное от Валерия. Нет, мальчика звали Варфоломей. Девочек зовут Васями, потому что они Василисы У меня сын – Василий, Вася! У Симы происходит в мозгу короткое замыкание. Фиса – производное от Анфисы. Маркуша – это Марк, а Марик – Яромир. Девочка Миша – Мишель, а Ника – не Вероника, а Николь. Спасибо, что не Коля. Лика – не Анжелика, а Лукреция.

У меня тоже короткое замыкание в мозгу.

Почему меня это так беспокоит? Потому что есть задание: «Если мальчика зовут Петя, а его папу Коля, то как его будут

звать, когда он вырастет?» Ребенок должен легко ответить, что Петр Николаевич, естественно. Сима ответить не может. У нее нет в окружении ни одного Петра Николаевича.

– Сима, на юге живут южные животные, а на севере?

– Зимние.

– Где растут яблоки?

– На березе.

– Почему?

– Потому что Вася мне такую задачу задал – на березе росли десять яблок, два яблока упали, сколько осталось. Только это глупая задача, потому что яблоки растут на яблочном дереве, а не на березе.

– Тогда почему ты говоришь, что яблоки растут на березе?

– Мама, пусть они где хотят, там и растут, я уже устала.

Ребенок также должен знать домашний адрес, полное имя, отчество и род деятельности родителей. Так прямо и надо учить – род деятельности, а не какая-то там профессия. Вася все свое детство был убежден, что его мама – пионервожатая, и всем об этом говорил. А Сима всем объявляет, что я балерина. Наверное, потому что знаю балетные термины.

Пока я учила с Симой домашний адрес, пришел из школы Василий с вопросом:

– Мам, а в каком стиле писала Анна Ахматова? Или жанре? На «а» начинается.

– Вы там кроссворды разгадываете на литературе?

– Просто можешь ответить? У меня тест завтра!

Хорошо, что у нас есть книга – словарь литературоведческих терминов.

– Вася, если жанр, то на «а» подходит только «анекдот», – опять пошутила я, – ты уверен, что правильно понял вопрос?

– Маааааам! Вспомнил, он еще на футуризм похож!

– Акмеизм?

– Точно. А ты сразу не могла ответить? Без книжки?

Не могла. Я без Гугла и подсказок по картинкам уже вообще ничего не могу. А Сима, конечно же, не пройдет собеседование. Одна надежда на прописку – по прописке нас вроде бы должны взять в школу. Да еще сын учится в этой же старшей школе, что тоже плюс. Поэтому я переключилась на общее развитие, решив, что еще год у нас в запасе есть – успеем подготовиться. В школу принимают, если ребенку к сентябрю исполняется шесть лет и шесть месяцев, не меньше. У Симы выходило, шесть и три. Пойдет в семь и три. Как все.

Поиски героя, или Как отбить ребенку веру в прекрасное

С художественной литературой у нас колоссальные проблемы. У Буратино есть папа, но нет мамы. Почему? У Дюймовочки есть мама, но нет папы – странно. Девочка появилась из цветка? Так не бывает. Все знают, что дети рождаются из живота. С принцами у нас тоже не заладилось. Смотрели с Симой мультик про спящую царевну. Очень понравился сначала. А в конце – слезы.

– Сима, что?

– А собаке поцелуй любви?! – рыдала дочь.

– Какой собаке?

– Которая яблоко отравленное съела! Почему корольевич Елисей собаку не поцеловал?

Действительно, не поспоришь...

С принцем, конечно, я виновата. Сима выступала в балетном спектакле. Я отвечала за вывод семерых девочек, которые танцевали партию гномиков, на сцену. Я вела их узкими коридорами Дома культуры и думала о том, какие они счастливые – еще совсем маленькие, а видят артистов, которые готовятся к выступлению, знают, что такое гримерка, могут прикоснуться к настоящему закулисию. Я, видимо, задумалась и размечталась. Вдруг увидела Принца – артиста балета,

который танцевал эту партию. И я как полоумная закричала:
– Девочки, смотрите, принц!

Мои подопечные уставились на юношу в трико, с приклеенными ресницами, в ярком макияже, включая накрашенные губы и блестящие волосы.

– Это не принц, – отрезала моя Сима.

– Принц! Настоящий! – начала заламывать руки я.

И мои девочки дружно зарыдали. Многоголосием.

– Это не принц! Это какая-то тетя! Принцы не такие! – кричали они, и моя Сима громче всех. – У него губы! Губы красные!

Тут до меня дошло, что надо быстро что-то делать, иначе на сцену у меня выйдут семь зареванных гномов.

– Принцы бывают разные, – начала вещать я, – это же сценический принц. А на самом деле – он прекрасный юноша. Для кого-то, может, и принц.

Артист балета сделал мне недовольное лицо. Наверное, ему не понравилось определение «разные».

Мои девочки продолжали жаться к стене и рыдать.

– Мама, он в колготках! – показала пальцем Сима.

– Да, потому что это не колготки, а трико. Мужчины в балете танцуют в трико. Разве вы не знали? – Я начала злиться.

– Он в колготках! – рыдали девчушки.

Принц удалился с тем же недовольным лицом. Нас требовали на выход.

Ситуацию спасла Баба-яга. Точнее, мужчина, который

танцевал Бабу-ягу. Он подскочил к моим девчушкам и начал на них рычать. Девочки немедленно осушили слезы и начали смеяться, хотя, по моему мнению, они должны были испугаться.

– Ууу! – рычала Баба-яга.

Девочки хохотали.

– Спасибо, – поблагодарила я Бабу-ягу.

– Обращайтесь, – ответил он.

Потом Сима, уже за кулисами, неудачно подпрыгнула на месте и врезалась макушкой в переносицу Белоснежки. Сказочная красавица выругалась так, как нельзя ругаться при детях. Сима заплакала, и остальные девочки тоже заплакали. Белоснежка тоже плакала, потому что удар оказался сильным. На сцену я их выпихивала чуть ли не пинками. Мои подопечные, к счастью, не видели, как у Белоснежки капает из носа кровь на платье...

Балет Сима бросила. Позже, конечно. Терпела еще полгода. Мне кажется, что из-за того спектакля. Дочь увидела изнанку, и ей она не понравилась. Как ни странно, Симе пришлось по душе понятные движения, которые нужно было оттачивать раз за разом, доводя до совершенства. Нравился строгий счет, раз и навсегда установленная классика. Но она не была готова к тому, что за сценой все по-другому. Что Принц окажется противным и капризным, а Баба-яга – хорошей и смешной. Что Белоснежка – не сказочный персонаж, хотя внешне очень-очень похожа на мультяшного прототи-

па. Симе не понравилось «выступать». Она оказалась не готова «дарить сказку» зрителям.

Буквально в это же время моя подруга Лена работала Финдусом. Это такой кот из сказки шведского писателя и художника Свена Нурдквиста.

Вообще-то Лена решила, что будет работать только для души после рождения дочки. И, как ни странно, быстро нашла применение своим талантам. В маленьком книжном магазине, скорее лавочке, где для детей устраивали небольшие представления и прививали любовь к чтению, Лена «работала» то Бабой-ягой, то Золушкой, то Федорой, от которой сбежала посуда. Один раз была Мойдодыром, но не по собственной воле – заболел ее партнер Гриша, который брал на себя мужские роли. В новогодние праздники Лене пришлось работать котами – сначала родным Матроскиным, а потом Финдусом из шведской сказки. Коты сейчас в моде, дети на них хорошо реагируют, а Гриша опять заболел. Отработал в Новый год Дедом Морозом и заболел. Болезней у него было две – похмельный синдром и давление.

– У тебя что на этот раз? – без особого интереса уточняла Лена, когда Гриша звонил и жаловался на здоровье.

– На этот раз точно давление, – честно отвечал Игорь.

– Сегодня чтобы был как штык. Будешь играть старичка Петсона, который хозяин Финдуса. Даже в роль входить не надо. Посидишь как декорация. Можешь за сердце хватать-

ся. Одна я это не вытяну! А если не явишься, будешь сам котов играть! Всю оставшуюся жизнь!

– На кого я похожа? – спросила Лена у своей четырехлетней дочки Ариши, нарисовав себе усы.

– На маму, у которой испачкано лицо.

– А на котенка не похожа? – с надеждой уточнила Лена.

– Котенок – это маленький мальчик, а не мама, – заявила дочка.

Лена тяжело вздохнула. Подумала о том, что если Гриша не явится, она его точно убьет. Но Гриша пришел, заранее вжившись в роль брюзжащего, не очень коммуникабельного старичка.

– За что мне это? – с пафосом провозгласил Гриша.

– За все, Гриш, за все, – отмахнулась Лена. – Пойдем работать.

Начали игру, детей было на удивление много. Правда, Гриша то и дело оттягивал накладную бороду и с остервенением чесался на глазах у зрителей. В остальное время, пока Лена прыгала в образе кота Финдуса, Гриша грозно вращал глазами, пугая детишек. Лена вела программу одна. И все было бы ничего, если бы к ней не подошел маленький мальчик.

– А коты любят конфеты? – спросил он.

– Мяу, – ответила Лена, – очень любят!

– Тогда ешь. – Ребенок протянул ей карамельку.

– Я потом, можно? После обеда. Никто же не ест сладкое

до обеда! Мяу, – попробовала отказаться Лена.

– Ешь! – потребовал начитанный ребенок. – Ты же Финдус, а Финдус никогда не слушается Петсона и делает все по-своему.

Лена еще раз жалобно мяукнула, развернула карамельку и положила в рот, наевшись заодно и синтетической шерсти с лап.

– Очень вкусно, мяу, – кивнула она и в этот же момент почувствовала, как карамелька приклеилась к зубной коронке. Остаток представления котенок в исполнении Лены ходил с флюсом и говорил невнятно. Даже Петсон очнулся от своих тяжких раздумий и уставился на партнершу. Вместо того чтобы мяукать, Лена была вынуждена шипеть. А поскольку несколько волосков с лап все же остались у нее во рту, она пыталась еще и отплеваться.

– Совсем как наша Дуся, когда ее тошнит! – радостно сообщила всем собравшимся девочка постарше.

– Помоги, – прошипел Финдус Петсону, – если я вытащу конфету, останусь без коронки и вообще без зубов!

Но Петсон не внял просьбе кота и начал хохотать. Лена вела интеллектуальную игру и осторожно щупала языком зубы. Часть конфеты приклеилась и к нижнему зубу, так что у котенка оказалась парализована правая часть лица.

– Воды мне принеси, – не по-кошачьи рявкнула она на Петсона.

Но Гриша опять зашелся истерическим смехом.

До конца представления Лена ждала, что карамель уже наконец растает и верхняя коронка и нижняя пломба останутся на своих местах. Но конфета оказалась стойкой. Лене приходилось уходить за книжный стеллаж и пытаться ускорить процесс отлипания – она пила воду, чай и в зеркале пыталась разглядеть масштабы бедствия.

– Мам, а почему кот все время убегает? – спросил тот самый малыш, угостивший Финдуса конфетой.

– Писать хочет, наверное, – ответила мама.

– Я тоже хочу посмотреть! – заявил малыш.

– Он в лоток ходит специальный, – со знанием дела объяснила девочка – владелица Дуси, – а потом лапами скребет, зарывает.

– Мама, я хочу посмотреть! – закричал малыш.

– Смотри рисунки в книжке. Мы же за этим сюда пришли! – велела мамаша.

– Нет, это неинтересно!

– А еще кошки свою шерсть могут срыгивать, – не успокаивалась всезнайка, – такими шариками. И иногда язык забывают в рот засунуть, так и ходят.

– Мамааа! Пусть Финдус так сделает! – потребовал мальчик.

Нет, все закончилось хорошо – Лене не пришлось рыться в лотке. Только после представления к ней подошла мама того малыша и строго сказала:

– Вы же с детьми работаете. Разве так можно? От вас даже

пахнет неприятно!

Не так уж далека она была от истины. Попахивало. Костюм кота был старый, списанный из костюмерной детского театра. Стирать этот артефакт было нельзя, только проветривать. Хвост, как и уши, отваливался. А шерсть стояла дыбом.

– Скажите, а как конфета называлась? – поинтересовалась у возмущенной родительницы Лена.

– «Сливочный ликер», а что? – обиделась та.

Лена молча покачала головой: мало того, что от Финдуса несло, как от мокрой псины, так он еще и ликера наакался.

Новая мода – «Степфордская жена» и «такси-мама» в одном лице

Мне было важно быть «как все». Я следила за тем, как изменяются требования, мода, родительские страхи и прочие веяния. Когда Вася был маленьким, прогрессивными считались система Монтессори и кубики Зайцева. Раннее развитие стало популярным.

Эта мода держится десятилетиями. Мое поколение – нынешних сорокалетних – тоже считалось прогрессивным. Мы все шли в школу с шести лет. Но нас отдавали в ясли с года, переводили в детский сад с трех, и пятидневка не считалась чем-то ужасным. В шесть из сада благополучно передавали в школу. Потом мода изменилась – детей отдавали в семь, а то и в восемь. Многие скакали через класс: из третьего сразу в пятый. Позже ввели «нулевку» – нулевые классы, куда шли шестилетки, но вроде как уже школьники. Что будет дальше – никто не знает. Есть основной «родительский» тест – если ребенок может дотянуться правой рукой через макушку до левого уха (или наоборот, если ребенок – левша), то он считается готовым к школе.

Ни Вася, ни Сима не могли этого сделать. Мне кажется, до сих пор не могут. Я проверила тест на муже – не справился.

Он право-лево до сих пор путает.

Сейчас мода на секции и кружки. Для девочек в обязательном порядке – музыка, рисование, танцы. Еще часто встречаются лепка и вокал. Все это – не считая обязательной подготовки к школе плюс английский. Дети живут по жесткому расписанию: понедельник, среда – танцы, вторник, четверг – рисование, пятница – лепка. Музыку я не знаю, куда впихивают. И Сима жила точно так же. Подготовка к школе с утра. Вечером – балет, после этого – лепка. Или рисование плюс логопед. Или логопед плюс балет...

Или это я изменилась? Хочу запихнуть в дочку все, что можно? Я стала «такси-мамой» – тоже новый термин и тренд. Отвезти, привезти, забрать, подождать. Еда – в ланч-боксе плюс термос с собственным чаем (компотом, соком). Казалось бы, бойлеры есть везде, кафе тоже. Но это считается неправильным. А правильно – приготовить самой, положить в ланч-бокс, желательно модный и красивый, и ненароком достать после занятия, чтобы остальные мамы увидели и не осудили. Да, и еще одно негласное требование, вроде как правило приличия в современном мамском коллективе – надо непременно быть рукодельницей. Вышивать брошки шелковыми нитями, вязать крючком креативных зайцев или грустных мишек, на худой конец – шить из фетра тапочки и сумки. Пока дети занимаются, мамы рукодельничают и болтают. Ты вроде как в клубе «идеальных мам».

И я очень, очень хотела быть идеальной. Это имело дале-

коидущие последствия. Сначала я накупила заготовок для рукоделия. Таких сейчас много, и они предназначены для детей. Есть несколько уровней сложности – от шести лет, от десяти, от двенадцати. Я справлялась с рукоделием для шестилеток. Вполне сносно. Особенно мне нравились наборы для вязания – заяц с мишкой получились разнолапыми, мне не хватило ниток, которые уже были в наборе, но вот рыбкой я могла уже гордиться (правда, у нее не было одного плавника). А сову я вообще считаю шедевром. После того как в магазине закончились все наборы для вязания, мне пришлось переключиться на шитье. Пингвин из фетра, рыба к пингвину, еще одна сова, свинья, похожая на овцу, овца похожая на свинью. Я остро чувствовала свое несовершенство. Мамы рассказывали, как выкладывают картины алмазной мозаикой, вышивают Деву Марию с младенцем гладью и успевают ходить на кулинарные курсы, чтобы приготовить мужу канноли. По рецепту итальянского шеф-повара.

«Пожалуйста, купи мне вина», – писала я мужу эсэмэски после этих канноли. К вину я, надо признаться, в то время пристрастилась. Выпивала бокал и до полуночи промазывала торт «Наполеон» кремом, чтобы к утру он как раз настоялся. Готовое тесто? Да упаси бог. Только домашнее. Я пекла пирожные «шу» и экспериментировала со сдобными и ржаными булочками. Мои мозги были засыпаны мукой и припорошены сахарной пудрой. Господи, я считала петли при вязании! Шевелила губами, чтобы не забыть! Я даже нача-

ла смотреть телевизор и, переключая каналы, повторяла шепотом – первый, второй, третий. Что удивительно, мужу это нравилось. Он заметно поплотнел на домашней сдобе и не отказался бы и от канноли. Только сын заподозрил неладное. Во всяком случае, его частые вопросы: «Мам, все хорошо? Ты как вообще?», я могу расценить как заботу о моем психическом здоровье.

Я стала считать не только петли, но и купила кухонные весы, чтобы взвешивать продукты. И всерьез подумывала о домашней йогуртнице.

Мне все это по-своему нравилось. Я повязывала фартук, а дочка церемонно повязывала свой – красивый, в цветах и рюшах, купленный на художественной выставке-ярмарке. Мы стояли на кухне и колдовали над сдобными булочками. Муж заходил и умилялся. И мной в роли «степфордской жены», и дочкой в роли образцово-показательной девочки.

Симины открытые уроки и прочие смотры достижений стали еще одной формой безумия. Я сидела в первом ряду, снимала видео и шептала за дочерью слова, если она читала стихи. Я могла по сорок минут добиваться «идеального» пучка. И обсуждать с мамами, какие трусы нужно купить, чтобы они не выглядывали из-под балетного купальника.

Когда я остановилась? В тот момент, когда случилось неформальное родительское собрание по поводу одной девочки.

Стелла портила весь номер. Девочки должны были испол-

нять танец бабочек, а Стеллочка больше походила на гусеничку – она была пышноватой для балета и в принципе пухленькой. Весила приблизительно как три девочки-балерины, нет, даже четыре, но очень любила танцевать. Еще у Стеллочки была пышная юбка, сшитая на заказ, прикрывавшая ее попу и заодно еще четырех девочек рядом, когда они лежали на ковриках и делали шпагаты. Помимо шикарной юбки у Стеллочки имелась бабушка Бэлла. Так вот мамы решили, что пышноватой девочке лучше не танцевать бабочку, чтобы не портить общее впечатление.

– У нее же все данные! У нас прабабка – балерина! – кричала бабушка Бэлла. – Стеллочка вся в нее. Что? Шея короткая? Ничего подобного! У нее – моя шея! Вот, посмотрите, какая у меня шея! Да я когда на паспорт фотографировалась, мне шею фотошопом обрезали – такая длинная, что в паспорт не влезала! Если Стеллочка вытянет шею – одна шея и будет! Почему странно ходит? Так это она в сватью. Моя сватья так и ходит! Вот так вожметса, лицо еще такое неприятное сделает и идет. Разве девочка виновата, что ей со второй бабушкой не повезло?

Шестилетняя Стеллочка в это время лежала на полу и пыхтела – бабушка Бэлла запихнула ее в гимнастический купальник и сильно затянула резинку на юбке. Лежавшие рядом худышки, прикрытые Стеллочкой и Стеллочкиной юбкой, тоже пыхтели.

– Стеллочка, быстро покажи свою настоящую шею! – ве-

лела бабушка.

Девочка тяжело встала и вытянула шею.

– Ну вылитая сватья, – ахнула бабушка Бэлла и полезла в сумку за телефоном. – Анжела! Я тебе говорила! Я тебя предупреждала! И что мы имеем? Мы имеем, что наша Стеллочка пошла не в нашу породу! Да, она похожа на твою све-кровь! Я ее как сейчас увидела, так у меня инфаркта чуть не было! Где были твои глаза, когда ты ее рожала? Ты не могла родить другую девочку? Мне никто не верит, что у нее пра-бабка балерина! Конечно, и я бы не поверила! У нее фигу-ра матери твоего мужа! Я тебе говорила? И что мы имеем? Передай сватье привет. Да, в воскресенье мы приедем к ним в гости. И ты знаешь, что Стеллочку хотят исключить из ба-бочек? За что? Ты еще спроси, кто в этом виноват? Так я тебе скажу! Виновата моя сватья, которая кормит Стеллочку своими пирожками из готового теста. А что делать – так я не знаю! Наверное, ей нужно подарить дрожжи. Нет, за-чем Стеллочке дрожжи? Моей сватье надо подарить дрож-жи, чтобы она уже поняла намек. Хотя не поймет! Если бы ребенок кушал домашнее тесто, у нее была бы приличная попа, как у меня, а не как у сватьи. Так что мне делать с ба-бочкой?

Мамы расчувствовались из-за теста и оставили Стеллочку в бабочках. Но перед самым выступлением девочка пришла вся в зеленке, больше прежнего похожая на гусеничку.

– Что это, ветрянка? – воскликнула одна из мам.

– Какая ветрянка? Это комары! И это не мы виноваты, а сватья! Зачем нужно было везти Стеллочку на дачу? Я была категорически против! – воскликнула бабушка Бэлла.

– Похоже на ветрянку. Не может быть столько укусов, – не отставала мамочка.

– Еще как может! – закричала бабушка Бэлла. – Вы же не видели той дачи! Это ведь не наша дача, но что я могу? Я должна молчать и терпеть! Ради Стеллочки.

– Откуда сейчас комары? – не унималась мамочка.

– У моей сватьи всегда комары. И мыши. А еще клещи! О, да, еще у нее осы!

– Есть средства – кремы от укусов. Почему вы намазали Стеллочку зеленкой, как при ветрянке? – Мамочка устроила форменный допрос.

– Вы так говорите, будто я ее зеленкой замазала! А это не я, а сватья! – возмутилась бабушка Бэлла.

– И вы считаете, что в таком виде Стелла может выходить на сцену?

– А что не так?

– Она зеленая! И будет портить общее впечатление!

– Ваша девочка тоже зеленая! Только моя от зеленки, а ваша – от голода. И кто будет портить впечатление?

– А если ваша Стеллочка заразит других девочек? Если это все-таки ветрянка?

– Так и что?

– Так и то, что у многих куплены билеты в отпуск, есть

младшие дети, и все они в опасности.

Мамочки устроили тайное голосование и потребовали отстранить Стеллочку от занятий и исключить из числа бабочек. В результате переговоров вышли на компромисс – если бабушка Бэлла принесет справку, что у внучки нет ветрянки, и отмоет зеленку, то Стеллочка будет выступать. Все проголосовали «за». Я воздержалась, а это означало, что я за бабушку Бэллу и Стеллочку. Меня прижали к стенке иголками, вязальными спицами и крючками, и я призналась – я сделала дочке прививку от ветрянки. Да, я сумасшедшая мать, которая готова прививать детей от лихорадки Эбола, вируса Зика и прочих инфекций, которые встречаются только в Африке, но никак не у нас. Я – фанат прививок. Есть противники прививок, а я – сторонник. Тоже ненормальный по своему. И из-за этого оказалась в противоположном лагере. Я же не знала, что наши мамы-рукодельницы – против всех прививок. Так что из стана «идеальных мам» меня изгнали. Я с облегчением отбросила недошитую тапочку из фетра и засунула подальше пакетики с дрожжами и разрыхлителями. Вечером пришел сын и спросил, что на ужин.

– Свари себе пельмени. Я работаю, – ответила я, усаживаясь за компьютер.

Вася был счастлив. Ему вернули нормальную мать. Он сварил пельмени себе, сосиски сестре, и они дружно ужинали в гостиной под мультики, что я в свой «степфордский» период запрещала делать категорически. Муж осторожно спро-

сил, не могу ли я печь «шу» хотя бы раз в две недели, ну или раз в три недели.

Стеллочка все-таки приняла участие в представлении. И это была лучшая съемка. Девочки танцевали бабочек, а Стеллочка на своей волне бегала по сцене огромной зеленой гусеничкой и сбивала бабочек, которые падали, как кегли. Она подбегала к бабочке, хватала ее в объятия и несла на другой конец сцены. Девочки вполне натурально трепыхались.

Ну а потом Стеллочку и вовсе определили в солистки, поскольку у нее образовался партнер. Мамочки от возмущения стали дружно вязать объемные шали и плести шарфы.

– Я не пойду! Тут одни девчонки! – рыдал новый мальчик, которого привели на занятия.

– Пойдешь! Ты будешь принцем! – увещевала его мама.

– Не пойду! – Мальчик сел на пол, перегородив проход.

– Пойдем. – К нему подошла Стеллочка, подняла его одной левой и поставила на ноги. Мальчик, которого звали Степан, не ожидал такого подхода и начал отступать. Бежать было некуда – коридор, дети, родители. Стеллочка сграбастала своего принца в охапку и крепко обняла так, что у Степана чуть не треснула грудная клетка.

– Она у меня добрая, – умилилась бабушка Бэлла.

Степан таращил глаза – казалось, ему требовалось искусственное дыхание. Стеллочка еще раз приподняла его в поддержке и поставила с собой в пару. Степа предпринял сла-

бую попытку вырваться, но девочка двинула бедром и вернула партнера на место.

– Это она в меня такая, – разулыбалась бабушка Бэлла, – у меня отбоя от женихов не было. И дочка моя такая же. На любого могла пальцем показать. А выбрала... а сватья... бедная Стеллочка.

Девочка вовсе не производила впечатление бедной. Она крепко прижимала к бедру Степу, который уже и не дергался, и не подпрыгивал, а стоял покорно и смиренно.

– Скорее! Уже все переоделись! – В раздевалку ворвалась мама с крошечной девочкой, почти Дюймовочкой, у которой на спине был огромный чехол со скрипкой. Скрипка тоже была детской, маленькой, но за спиной миниатюрной Вероники выглядела контрабасом.

– А что у вас? – заинтересовались мамы.

– У нас сколиоз из-за скрипки. И подбородок не туда смотрит. И нога. У нас бабушка – скрипачка, – поведала историю семьи мама.

– А у нас балерина! – откликнулась бабушка Бэлла.

– Я была против, но свекровь отдала на скрипку. Вот я тайно сюда привела. Я очень танцевать в детстве хотела.

– Свекрови – они все такие! – заявила бабушка Бэлла и тут же взяла Дюймовочку под опеку: – Стеллочка, иди познакомься с Вероникой!

Стелла освободила поработавшего Степана и кинулась обниматься с Вероникой. Она подняла девчушку вместе со

скрипкой и стиснула в объятиях. И никто не понял, что хрустнуло – то ли остов скрипки, то ли проломилась грудная клетка Вероники, которая тут же начала хватать воздух ртом. Степан был не рад своей свободе. Он потрусил за Стеллой и требовательно взял ее за руку, ревнуя к новой подружке.

– Это она в меня! – обрадовалась бабушка Бэлла. – Ни один муж от меня не уходил! Всех я бросала!

Стеллочка схватила в охапку Степу с Вероникой и оторвала их от пола. Если бы она умела, то смогла бы ими жонглировать. Но пока просто потащила детей в другой конец зала, зажав под мышками, как плюшевых зайцев.

– Смотрите, что я принесла. – Бабушка Бэлла раскрыла сумку и достала домашние пирожки, торт «Наполеон», эклеры.

Мама начали нервничать, поскольку все дружно сидели на японской диете, что выяснилось еще на предыдущем занятии.

– Что? – возмутилась бабушка. – Японская диета? И в каком месте она вам помогла? Вот я четыре раза была замужем. И это – только официально...

После этих слов мамы накинулись на пирожки. Дети умиляли тортик.

– Если так пойдет дальше, наши девочки перестанут влезать в колготки, – сказала мама Кристины, самая верная поклонница японской диеты.

– А я этого и добиваюсь! – радостно подтвердила бабушка Бэлла. – А то они как-то плохо смотрятся. Вон, смотрите, моя Стеллочка только села, и повалила всех остальных.

И действительно, дети, как доминошки, попадали на бок, стоило Стелле присесть.

– В следующий раз я безешечек наделаю, – решила бабушка Бэлла, – ничего, к Новому году откормим их, как молочных поросят. Будут такие сладкие, вкусные, с попками, со щечками – загляденье! Хорошая группа подобралась у нас!

С этим невозможно было спорить. После занятия Стеллочка, прижав детей к животу, потащила их на детскую площадку. Степа скатывался с горки и врезался в попу Стеллы. Вероника пускала с самой высокой горки свою скрипку и с восторгом смотрела, как чехол летит вниз. Мамы на лавочке доедали пирожки, а бабушка Бэлла рассказывала, как выйти замуж четыре раза. И все четыре раза – удачно.

Открытые уроки, или «Лучше этого не видеть»

Моя подруга Лена оставила работу, чтобы возить свою дочку Аришу на занятия скрипкой. Из Москвы в Балашиху. Ездили они на занятия к специальному педагогу, потому что сейчас тоже модно возить «на педагога». Участвовали в конкурсах, которые проходят то в Звенигороде, то в Зеленограде, то в Электростали. А это – целый день и сплошные нервы. При этом Ариша еще ходит на танцы и на прыжки в воду с вышки. И везде тоже конкурсы, открытые уроки, отчетные концерты.

Лена позвонила и поделилась впечатлениями от открытого урока, на котором даже не присутствовала.

Она наконец решила заняться бюрократическими делами – переоформить медицинский полис, взять справку из домовой книги и отправилась на сутки в родной город в Рязанской области. Себе на смену, чтобы приглядеть за Аришей, Лена вызвала маму, Алевтину Ивановну. Лена и ее мама двигались на встречных курсах – из Москвы и в Москву.

Поскольку дорога была тяжелая – автобус плюс дальняя электричка – бабушка видела внучку не так часто, как ей хотелось бы. Но по телефону они разговаривали регулярно. Так, Алевтина Ивановна знала, что Ариша ходит в бассейн, и

очень гордилась внучкой. Поскольку никто никогда не уточнял, каким именно водным видом спорта занимается Ариша, у бабушки сложилось собственное представление. Она решила, что внучка занимается синхронным плаванием – чудесный красивый вид спорта для девочки. Конечно, лучше бы балльные танцы, о чем мечтала когда-то сама бабушка, но синхронное плавание тоже годится. Алевтина Ивановна даже смотрела соревнования по синхронному плаванию по спортивному каналу и сшила в подарок внучке специальную накладку на пучок – в форме морской звезды, в стразах и блестках.

Лена, отправляясь встречным курсом в родной город, оставила своей маме подробные инструкции – как добратся до бассейна, какой купальник взять, где ждать, как зовут тренера.

Алевтина Ивановна торжественно вручила внучке подарок. Ариша равнодушно покрутила в руках украшение и сказала, что лучше бы бабушка привезла новые шлепки. Алевтина Ивановна решила для себя, что ее накладку на волосы просто не подходит девочке по форме и цвету. И она непременно подойдет к тренеру и уточнит – в каком стиле выступают девочки. Бабушка складывала в рюкзак купальник внучки и удивлялась собственной дочери: неужели нельзя было купить что-нибудь покрасивее? Это же совсем не эстетично – обычный купальник, болотного цвета, застиранный, без блесток. Она подумала, что обязательно разошьет

его пайетками. Неужели ее внучка должна быть хуже всех в группе?

По дороге в бассейн Алевтина Ивановна начала нервничать.

– А как ты переодеваешься? – спрашивала она у Ариши. – А головушку как сушишь? И кто помогает? Никто? А если плохо посушишься? Фены есть? А если током ударит? Это же электричество! Ты же вытираешься плохо. Спина наверняка мокрая. А потом сразу на улицу. Нет, я с тобой пойду, помогу тебе. Разве ж так можно? Может задуть, продуть. Куда только твоя мать смотрит?

– Она не смотрит, она уходит по делам и возвращается меня забрать. Я ее в раздевалке жду рядом с гардеробом, – ответила Ариша.

Алевтина Ивановна с болью посмотрела на любимую внучку и решила серьезно поговорить с собственной дочерью, которая еще и уходит во время тренировок. Ну это уж вообще ни в какие ворота! Ребенка бросать!

В раздевалку вышла тренер и объявила, что сегодня у детей открытый урок. И родители могут подняться на трибуны и посмотреть, как выступают дети. Алевтина Ивановна несказанно обрадовалась и первой побежала туда, куда указывала тренер.

Ступеньки были крутые и узкие – Алевтина Ивановна, страдавшая боязнью высоты, пошатнулась, но решила держать себя в руках. И мужественно добралась до кресла. Где-

то внизу выстроили детей. В группе были не только девочки, но и мальчики. Алевтина Ивановна была продвинутой бабушкой, она знала, что в синхронном плавании уже выступают мужчины. Но не предполагала, что это направление так быстро развивается – судя по количеству мальчиков в группе. Куда мир катится? Странно это все-таки.

Тут позвонила Лена:

– У вас все хорошо?

– Да! Мне так повезло – открытый урок объявили. Вот сижу, сейчас начнут.

– Мам, ты осторожнее, там ступеньки крутые. Не упади только.

Алевтина Ивановна собиралась что-то ответить, но связь прервалась. Лена перезванивала несколько раз – мама не отвечала. А через полчаса позвонила Ариша.

– Мам, больше не уезжай никуда! – Дочка плакала.

– Что случилось?

– У нас открытый урок! А бабушка на меня даже не смотрела! Она ушла! Я видела! А теперь мы сидим и ждем «Скорую помощь». Мам, ты можешь вернуться побыстрее?

Ариша хлопнула еще несколько раз и тоже отключилась.

Лена выскочила из электрички на ближайшей станции и поехала в обратном направлении. Домой она влетела, готовая ко всему. Даже к самому страшному. Ариша, явно обиженная, сидела в своей комнате с раскрасками. Алевтина Ивановна лежала на диване с перевязанной ногой.

– Ариша! Мама! – Лена не знала, к кому кидаться.

И только сейчас до нее дошло, что бабушку стоило предупредить: Ариша занимается в секции по прыжкам с вышки.

– Бабушка не видела, как я прыгала с «трешки»! – стала жаловаться дочка.

– Лена, ты знаешь, что детей сбрасывают в воду? Конечно, я не смогла на это спокойно смотреть! Тренер подошла и столкнула Аришу! У меня началась тахикардия, я стала спускаться по ступенькам и, естественно, упала. У меня растяжение! И тахикардия!

– Мама! Я сама прыгала с «трешки»! Бабушка обманывает! Это Сашку столкнули, потому что он всех задерживал! – закричала Ариша.

– Зачем ты отдала ее на прыжки? Это разве спорт для девочки? Почему ты мне не сказала? Я была уверена, что Ариша занимается синхронным плаванием!

– Мама, не отдавай меня синхронисткам! – закричала Ариша. – На них знаешь как кричат!

– Лена, я требую прекратить эти занятия! Она отшибет себе все мозги!

– Мы солдатиком прыгаем! Ногами! А мозги – в голове! Бабушка, ты ничего не понимаешь!

Запись в первый класс, или Что случится, если мать ошибется дверью

В декабре в нашем клубе для пригостишек мамы непривычно галдели, оторвавшись от вязания и вышивки. Оказалось, 15-го числа начинается запись в школу. На сайте госуслуг. И нужно непременно зарегистрироваться в первый же день, чтобы не опоздать. Иначе все. Что «все» – понятно не было, но звучало страшно и угрожающе. Все!!!

Я еле дождалась возвращения Василия из школы, поскольку только у сына был пароль и доступ к госуслугам. Я даже его электронный журнал с оценками не могла посмотреть. Конечно, он иногда разрешал мне туда заглянуть, но нечасто.

– Вася, нужно срочно зарегистрировать Симу, – попросила я.

Сын, тяжело вздохнув, открыл сайт. Оказалось, что все оформлено на мужа – его имя, отчество, адрес электронной почты, телефон. Вася, проворно стуча по клавишам, начал записывать сестру в первый класс. В графе «родители» указал мать. Систему не смутило, что Андрей Владимирович у нас мать. Заявку так и отправили. Вскоре пришел ответ: «Андрей Владимирович будет приглашена в гимназию...»

На сайте гимназии я выяснила, что собрание для родителей будущих первоклассников мы все же пропустили – оно было в начале декабря. Я впала в ступор: что делать? К кому записываться? Раньше на таких собраниях выступали учителя, можно было послушать каждого и записаться к тому, к кому хочешь попасть в класс. Я помню, как записала сына к Светлане Александровне. Она выступала последней. Сказала следующее: «Здравствуйте, будем рады, до свидания». И сбежала со сцены. Мне очень понравилось, как она сбежала, и я записалась к ней.

На следующий день я в панике побежала в школу – мой план дал сбой. В канцелярии велели взять копию свидетельства о рождении, оригинал, выписку из домовой книги, СНИЛС, медкарту и ждать, когда вызовут. Собеседования отменили. А к кому мы попадем? Туда, где будут места. «По мере заполняемости классов». В прошлом году набирали даже первый «Е», в этом, возможно, остановятся на «Д». Мне почему-то не хотелось, чтобы Сима училась в первом «Е» или в первом «Д». Это еще из советского прошлого. Нужно непременно попасть в «А» класс. Он ведь самый лучший. Это ведь так прекрасно – смотреть на линейке, как сын или дочка стоят рядом с табличкой «1А».

– Вы можете написать свои пожелания, но учтите, это только пожелания, – сказала секретарь.

Я не могла написать пожелания, потому что не знала, какую учительницу желать. На сайте я рассматривала фотогра-

фии учителей и пыталась угадать, у кого добрее взгляд и кому я смогу доверить нашу Жизель, трепетную лань и счастье всей жизни. Вася был мальчиком, и меня такие вопросы волновали в меньшей степени. А теперь я даже спать перестала. И глаза были на мокром месте. Я, как приходила в школу, начинала хлюпать носом и тереть глаза. Мне кажется, в учительской я ни разу не появилась в нормальном виде – все время с растекшейся тушью. Собирала справки, все время что-то забывала. Пыталась спросить, какая учительница лучше, но мямлила и пыталась сдержать слезы. Опять все делала не так идеально, как планировала.

Я пошла сдавать документы. Ноги сами понесли не в канцелярию, налево, а в бывший Васин класс, направо. Охранник меня еще окликнул – не туда пошли, мол. Но я кивнула и упорно протопала по коридору, растирая по щекам тушь, – еще совсем недавно здесь бегал Вася, а сейчас он совсем взрослый. И Сима так быстро выросла... В вестибюле все изменилось – стоял новый диван, шкафчик заборного зеленого цвета, на стене были нарисованы цветы. Новый ковер, куча игрушек. Светлана Александровна, редко закрывавшая дверь в класс, рассказывала про прилагательные так, что слышали все три этажа. Я стояла и ловила каждое слово. Опять подступили слезы. Как же она рассказывала про прилагательные! Это просто песня! Я решила, что поздороваюсь – ведь невежливо появиться в школе и не поздороваться. За-

одно спрощу, к кому попроситься в класс. Прозвенел звонок. Из кабинета высыпали первоклашки. Очень милые и очень разные. Толстый мальчик сел на диван и принялся жевать булку. Девочка играла с плюшевой собачкой. Еще одна девочка строила глазки мальчику. Тот скакал, дрыгал ногами, пока не шмякнулся на ковер.

– Светлана Александровна, здравствуйте, я вот Симу... пришла сдавать... документы вот, а собеседование отменили, к кому идти, не знаю, посоветуйте, пожалуйста, я все пропустила, опоздала, но мы зарегистрировались, хотела сделать как положено... – скороговоркой оттарабанила я.

Учительница меня не понимала. Куда отдавать? Кому отдавать? На подготовишку? Нет? В первый класс? На следующий год? Почему на следующий? Тебе первый класс нужен? В исполнении Светланы Александровны все эти вопросы слились в одном:

– Что ты хочешь?

– Мы по возрасту не проходили, я бы вам отдала, но еще с логопедом занимаемся, ходим на подготовку, очень хорошую подготовку, только все равно страшно, животных не можем выучить, а кто набирает – непонятно, а она такая нежная, – продолжала лепетать я.

– Отдай мне ребенка! – строго сказала Светлана Александровна.

– Куда? – Я в панике начала плакать.

– Сюда! – ответила учительница, на лету поймав двух

мальчишек, которые едва не столкнулись лбами.

– Когда? – У меня правда случилось помутнение рассудка.

– Да хоть завтра. Нет, завтра не надо. Лучше после новогодних праздников. – Светлана Александровна, поймав девочку, быстро заплела ей косу, которая висела не сзади, а спереди, на лице.

– Так мы же уже зарегистрировались... а система не пропускает, если по году рождения и месяцу не соответствуешь.

– Ну и что? – не поняла проблемы учительница.

– Так зима же вроде бы. Снег. Скоро Новый год, – сказала я.

Светлана Александровна посмотрела на меня как на полоумную.

– Ну, с наступающим. И что?

– Так дети же осенью в школу идут... линейка... первое сентября. А после праздников будет одиннадцатое января.

– Миша! Перестань бегать! Рубашку заправь! – закричала Светлана Александровна. – Подойди ко мне, я тебя заправлю! Так, дети, идем в столовую! А ты – отдай мне ребенка! Все! Пошли!

– А как же система? Мы же не проходим! – Я потопала строем, взяв за руку девочку, которой не хватило пары.

– Хорошо, что напонила. Так, дети, быстро – в столовую, а я – к завучу!

И мы пошли – я домой, дети на завтрак. Когда я выходила, то уже слышала крик Светланы Александровны из учитель-

ской: «Я забираю ребенка!»

Удивительно, что она меня не отправила есть кашу вместе с детьми.

Домой я пришла, тяжело волоча ноги, с новостью, что первое сентября у нас, кажется, переносится на одиннадцатое января, поэтому за время новогодних каникул мы должны пройти программу половины первого класса. Так уж случайно получилось, я не виновата. Просто дверью, можно сказать, ошиблась.

– Ты даже в школу нормально сходить не можешь, – сказал муж, выслушав мое подробное, но маловнятное сообщение, и немедленно впал в панику. Ведь полгода мы жили спокойно, по графику, по расписанию, как все.

Сима вообще ничего не поняла про школу, потому что я ее начала убалтывать, как убалтывают девочек: мы тебе купим настоящий школьный рюкзак, мешок для сменки, а еще новую юбку, новые туфли и бантики.

– Хорошо, – спокойно ответила Сима, – а зачем?

– Симочка, ты пойдешь в школу! – торжественно объявила я и залилась слезами. То ли от счастья, то ли от горя.

– Конечно, пойду, – ответила дочь.

– Сима, ты пойдешь туда не первого сентября, а уже скоро. Через две недели.

– А так все делают? – уточнила Сима.

– Нет, так только наша мама делает, – ответил за меня

муж, – ну ничего, может, нас еще и не возьмут. А если возьмут и тебе будет сложно, то мы уйдем и пойдем как все, первого сентября.

Тут муж, конечно, понял, что допустил страшную ошибку. Потому что мне ни в коем случае нельзя говорить, что у меня не получится. А Симе ни при каких обстоятельствах нельзя говорить, что ей будет сложно. Мы обе грозно посмотрели на отца семейства и надулись. Вопрос со школой для нас был решен окончательно и бесповоротно.

– У нас даже нет материалов для подготовки! – сделал еще одну попытку образумить нас муж.

– Будут. Мы всех догоним и перегоним. Вот увидишь, – объявила я.

– Мы записаны на следующий год, стоим в системе, есть ведь еще завуч, директор... как вы с Александрой Светлановной будете объяснять госуслугам, что вам вдруг приспичило пойти в школу? Нет, это невозможно. Есть же какие-то правила. Мы же решили, все обсудили, логопед тоже считала, что к новому учебному году успеет нагнать с Симой темы... как ты вообще себе это представляешь... дети не идут в первый класс в январе... – Муж бурчал и бурчал.

Наконец из школы пришел Вася.

– Вася, открой сайт с рюкзаками, пусть Сима выберет, какой ей нравится. Пожалуйста, – попросила я.

– Что случилось? Все нормально? – уточнил сын.

– Нет, у нас все ненормально. Только вот начнет казать-

ся, что все нормально, только начинаешь к этому привыкать, как тут на тебе... и опять все ненормально. Потому что твоя мать... – зашел на новый круг муж.

– Сима пойдет в школу после новогодних праздников, – объяснила я.

– Отлично. Экскурсия для будущих первоклашек? – пожал плечами Вася.

– Нет. Она пойдет в школу по-настоящему. В первый класс. И ей нужен рюкзак. Школьный. Тоже настоящий.

Вася с жалостью и даже нежностью посмотрел на сестру и открыл сайт. Сима выбирала рюкзак. Я пошла рыдать в комнату, наконец поняв, что натворила. Опять сделала все не так, не как правильно. Даже хуже, чем было с Васей.

На следующий день я побежала в школу просить материалы для подготовки. Охранник понял, что если он меня попытается остановить, то я смету все ограждения.

– Что купить? – набросилась я на Светлану Александровну.

– Что купить? – шарахнулась от меня учительница.

– Какие нужны книги, прописи, учебники?

– Ну купи пенал, – подумав, ответила она. – Лучше пойдем, я тебе что-то покажу.

Она потащила меня в класс и с гордостью показала парту, втиснутую около ее стола – подготовленную специально для Симы. Парты стояла наискосок, не так, как все остальные. Я вообще впервые видела, чтобы парты так стояли.

– Вот! Красота? Тридцать человек в классе! – радовалась Светлана Александровна.

– Спасибо. Дайте мне хоть что-нибудь. Вы же знаете Андрея, он меня домой без материалов для подготовки не пустит, – промямлила я.

Светлана Александровна нехотя выдала мне прописи и учебник по математике. Чтение не нашла. Про окружающий мир забыла.

– А какие тетрадки? Какого цвета? В какую именно линейку?

– Да дам я ей тетрадки! Уйди уже!

Но это еще не все. Поскольку это был едва ли не первый случай в истории школы, когда ребенок шел в первый класс одиннадцатого января, то все в канцелярии опешили и никто ничего не понимал. Тем более что по документам и госуслугам Сима спокойно шла в школу на следующий год без всяких проблем. Мы со Светланой Александровной представляли комическое зрелище. Заслуженный учитель, педагогический стаж миллион лет, и рыдающая неуравновешенная мамаша. Со Светланой Александровной, которая объявила всем и сразу: «это моя девочка», никто бы не посмел спорить. А со мной вообще никто не собирался даже связываться. Потому что я начинала рассказывать про старшего сына, который отличник и физик, про то, что муж в нас не верит, что рюкзак уже выбрали, с олененком, хотя я бы выбрала с балериной или кошечкой.

– А вы из какой школы переводитесь? А почему? – спрашивала секретарь канцелярии.

Я лихорадочно соображала, что ответить. Не могла же я ей сказать правду – шла, двери перепутала, а потом...

– Понимаете, мы были... не здесь... но потом вернулись и... надо же дать ребенку образование... ведь сын здесь учился... а потом перешел... но он учился у Светланы Александровны... и вот... отличник, – пыталась объяснить я, все равно переходя на оленят на портфеле и на мужа, который... – но материалы взяли.

С чего-то все решили, что мы жили за границей, а потом вернулись, чтобы дать младшей дочери российское образование. А старший сын там, за границей, был звездой школы.

– А семья у вас... полная? – скорее с любопытством, чем для проверки, уточнила секретарь.

– Полная, полная, еще какая полная!

Тут я скорее напоминала героиню фильма «Москва слезам не верит»: «А она аккуратная?» – «Очень, очень аккуратная!»

В доказательство я привела мужа – он очень хорошо действует на женщин. Пришел, помолчал, пока я лепетала и тараторила, кивнул и ушел.

Для порядка нас отправили на собеседование к психологу. Почему-то я была уверена, что мы его не пройдем. Вася, как известно, не прошел психолога, а он был более психологически подкован, чем Сима.

– А мне с ней можно? – спросила я, вспомнив, что где-то читала про родителей, имеющих право присутствовать на тестированиях, собеседованиях и прочих психологических опытах над детьми.

– В классе вы тоже рядом сидеть будете? – отшила меня психолог. Симу она увела. Мы с мужем ждали в учительской сорок пять минут. Муж накануне хорошо выпил и теперь с тоской смотрел на бойлер. Утром я его, конечно, чуть не убила – у нас собеседование, а он! Чтобы не уснуть на стуле и не захрапеть, муж мерил шагами кабинет, за что я готова была его убить еще раз. Наконец он не выдержал и, спросив разрешения, подошел и налил себе водички из бойлера. Муж и так говорит тихо, едва слышно, а тут, чтобы не дышать парами, он и вовсе почти шептал. Мне кажется, что у него даже глаза слезились, но не от волнения, а от недосыпа и жажды.

– Ох, как папа нервничает, – посочувствовала секретарь. То, что я нервничала, никто, естественно, не заметил.

– Да не переживайте вы так! Все будет хорошо! Может, кофейку? – предложила еще одна учительница.

Нет, ну как у него это получается? Ему уже кофе предлагают!

Муж с мученическим выражением лица отказался.

– Может, валерьяночки или валокординчика? – забеспокоилась секретарь, поскольку муж приткнулся к стене в неравной схватке с похмельем.

Если бы я не заверила всех, что у нас самая полная, просто

наиполнейшая семья на планете, мужа бы я все-таки убила. Но ради дочки сдержалась.

Хотя чему я удивляюсь? Он имеет власть над женщинами. Я – редкое исключение.

Впрочем, муж мой человек уникальный, с годами он не перестает меня удивлять. Есть, например, люди, которые не умеют добираться из пункта А в пункт Б нормально, как все. С ними обязательно что-нибудь происходит. Мой муж – яркое тому доказательство.

Вот недавно он улетел в командировку. Я его собрала, проводила и надумала помыть полы. Но сначала позвонила маме, узнать, как у нее дела.

– У нас все в порядке, Андрей улетел, я собираюсь полы мыть, – отчиталась я.

– Не мой полы! – проорала мама.

– Почему?

– Пусть долетит сначала.

Я ушам своим не поверила: моя мама не верит ни в какие приметы, а уж тем более в мытье полов на дорогу! Верит в хороший коньяк, сигареты, новый детектив и в то, что она лучше всех знает, как воспитывать внуков. Ну, и что все их таланты – от нее. И вдруг она начала рассказывать мне, что если я помою полы, то обязательно что-нибудь случится. А уж чтобы она начала беспокоиться о зяте – это вообще странно. Но как в воду глядела.

Муж прислал эсэмэску, что он благополучно долетел до столицы скандинавского государства и уже едет в такси в какую-то там экономическую школу, где должен выступить с лекцией.

Тут я со спокойной душой вооружилась тряпкой и начала намывать полы.

И что случилось через час? Муж позвонил и сообщил, что такси доставило его вместо школы экономики в школу медсестер. Во всяком случае, он оказался за пределами города в большом здании, где все ходили в белых халатах. Муж был почти в истерике. И надо же такому случиться, что он оставил дома телефон, который знали организаторы поездки, а листок, где значились название гостиницы и график пребывания, потерял. Обычно супруг складывает все документы в конверт, конверт кладет в папку, а папку засовывает во внутренний карман пиджака, не доверяя сумке. Потому что сумку он панически боится потерять. Но сумку он прижал к груди, а пиджак, снятый по причине жары, оставил на заднем сиденье такси, которое уехало.

Я бросила тряпку, нашла его телефон и начала обзванивать организаторов.

В школе медсестер тем временем ему предложили успокоительные капли, таблетку от сердца, поскольку муж хватался за этот орган, и прочую медицинскую помощь. Видимо, выглядел он совсем плохо.

В ожидании вызволения он пошел искать туалет и вышел в соседнее крыло. После чего пришла его эсэмэска: «Сообщи организаторам, что я в школе для будущих мам! Я в толпе беременных женщин! Меня куда-то ведут!»

Через полчаса я получила отчет, что моего мужа буквально занесли в класс в качестве пособия: других мужчин под рукой не оказалось. Преподавательница хотела продемонстрировать будущим мамам на живом примере, как нужно приучать мужа к ребенку. И ребенка – к мужу. Ну чтобы будущие мамы поняли, что муж и ребенок – в принципе, одно и то же и не нужно требовать от них невозможного. И тут случился прокол: муж, как многодетный отец, выполнил все задания – надел памперс на резинового пупса, покачал его на плече, изображая отрыжку после кормления, похлопал по спине так, что чуть не проломил пупсу электронные внутренности, и под занавес спел колыбельную «Мы красные кавалеристы, и про нас...» и еще что-то из Дунаевского. Будущие мамы, рыдая, разразились громкими продолжительными аплодисментами, переходящими в овацию. На бис муж исполнил пупсу по-русски «За печкою поет сверчок, усни, угомонись, не плачь, сынок», чем почти довел будущих мам до преждевременных родов. Еще через пять минут он получил предложение от преподавательницы о проведении мастер-классов в их школе матерей и два предложения о признании отцовства от собственно будущих матерей. Муж кивал и соглашался на все. Такого общественного признания

талантов ему не доводилось получать никогда.

В это время я не оставляла в покое организаторов, которые отправили за мужем другое такси и разыскивали первое с пиджаком. Второй таксист искал «профессора». Если бы он искал нервного отца-сердечника, который владеет искусством жесткого пеленания, о котором даже преподавательница только слышала, но никогда не видела воочию, медсестры сразу же показали бы, куда идти. Но «профессора» они в своем госте никак не опознали.

Преподавательница отогнала будущих мамочек и расспрашивала моего мужа о других секретах выращивания младенцев. Муж на пупсе показывал, как укачивать, как бороться с коликами – для этого ему пришлось лечь на парту и положить резинового младенца себе на живот. Он рассказывал, как дырявить соски иглой, как заваривать ромашку, как купать ребенка в череде и марганцовке (тут уже понадобился словарь, поскольку таких сложных терминов преподавательница не знала, а муж не знал, как это перевести). Он вошел в раж и ударился в воспоминания о собственном детстве – как его поили козьим молоком, давили яичную скорлупу, чтобы ребенок получил кальций, и силился объяснить, что такое «молочная кухня». Про пеленки вместо памперсов, которые нужно проглаживать непременно с двух сторон, баки белья, где эти пеленки кипятились круглосуточно, и традицию в год брить наголо ребенка, чтобы волосы росли густыми, он рассказывал с упоением.

Преподавательница уже даже говорить не могла, а только мычала и кивала. А уж после того, как он перешел на «по кочкам, по кочкам, по маленьким дорожкам», задорно подбрасывая пупса на коленке и спел «ладушки, где были – у бабушки», она зарыдала и тут же предложила ему свою руку, сердце и политическое убежище в придачу. Но муж на этом не остановился – он решил показать, как делать массаж груди, чтобы расцедить молодую мамочку. Даже предположить не могу, что еще он хотел показать преподавательнице.

– Вы доктор? – спросила она, покачиваясь от культурологического шока.

– Нет, я просто отец. Обычный русский отец.

Тут уже я позвонила мужу (поскольку таксист в отчаянии дозвонился до меня) и рассказала ему, что «господина профессора» ждет по возвращении домой, если он немедленно не положит пупса на место и не покинет помещение. И на развод я приду в костюме медсестры, если ему так будет приятнее. Как простая русская женщина-мать.

Сима благодаря занятиям балетом научилась держать улыбку, терпеть до последнего, но, когда все заканчивалось – выступление, репетиция или растяжка на шпагат, – могла разрыдаться. Когда она вернулась с собеседования, я быстро отправила их с папой домой, а сама осталась выслушивать вердикт. Сима выходила из кабинета с натянутой спиной и застывшей улыбкой, как ее учили. Значит, все совсем плохо.

Психолог тянула театральную паузу. Она повела меня на третий этаж – я пока дошла, чуть не описалась от страха. Сима не сдала тесты. Перелетных птиц назвала, зимующих тоже, а вот на шапку, шляпу и кепку сказала «головные шапки», а не «уборы». И не нашла лишнее в ограде, заборе и парке. Я тоже не нашла от волнения.

– Скажите, а вы работаете? – нежно спросила психолог.

– А что? – еще больше перепугалась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.